

Ситников Юрий

ЭКСТРИМ НА КАНИКУЛАХ

№

16+

Юрий Вячеславович Ситников

Экстрим на каникулах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65087661

SelfPub; 2021

Аннотация

Какие появляются мысли, если вечером твоей учительнице нанесли ножевое ранение, а утром ты обнаруживаешь в своей сумочке окровавленный нож? Можно ли оправдаться перед совестью, зная, что между тобой и впавшим в кому учителем накануне случилась крупная ссора? Почему память стёрла все произошедшие после ссоры события? И, наконец, к кому можно обратиться за помощью, если ты изгой в классе и у тебя нет друзей? Старшеклассница Алька Нефёдова уже была готова пойти с повинной в полицию, когда Глеб, Алиса, Люська и Димон предложили ей свою помощь. Ребята решили провести собственное расследование и доказать невиновность Альки. И вдруг Аля получила записку: «Я знаю твою тайну».

Юрий Ситников

Экстрим на каникулах

Глава первая

Страшные выходные Альки Нефёдовой

Одноклассники могут быть жестокими – это Аля поняла давно. Её начали высмеивать месяцев шесть назад, она превратилась в объект постоянных приколов и издевательств. Трудно и обидно чувствовать себя огородным пугалом, терпеть жестокость сверстников, сносить их насмешливые, а иногда и злые взгляды, постоянно находясь на грани.

Алевтина шла в школу, как на каторгу, ещё не успев переступить её порога, уже знала, ближайшие пять-шесть часов придётся стойчески выдерживать нападки окружающих. А потом, после уроков, дома, оставшись один на один с собой и своим горем, реветь в подушку.

Аля училась в десятом классе и считала дни, когда ненавистная школьная пора останется позади, со всеми своими уроками, звонками, переменами, одноклассниками и учителями. Есть мнение, что школьные годы самые счастливые годы в жизни человека; Аля Нефёдова знала совершенно точно – о своих школьных годах она никогда не будет вспоминать с теплотой и нежностью, она вообще не будет о них вспоминать. Аля ненавидела школу!

...Шёл урок биологии, Алевтина стояла возле парты, глаза опустила в пол, правой рукой крепко держалась за спинку стула. Взгляды одноклассников были обращены в её сторону, в классе стоял смех, кто-то даже хохотал. Биологичка Варвара Витальевна сидела за своим столом, не собираясь призывать класс к тишине. Она как и все насмешливо смотрела на Алевтину и ждала, когда та сломается, сорвётся с катушек и разрыдается. Но Алька терпела. Нет, такого удовольствия она им не доставит. И пусть хоть конец света нагрянет, Алька будет держаться до конца.

Смех нарастал, кто-то бросил в Альку скомканный тетрадный лист, попал в затылок.

– Комаров! Давно не убирался в классе, – подала голос биологичка. – Подними листок. Тишина! Закончили сеанс смехотерапии.

Ах, значит, это была смехотерапия? Получается, Алевтина выступала в качестве наглядного пособия, её подняли с места, все начали ржать, и это называлось сеансом смехотерапии. Как же она их ненавидела в этот момент, всех без исключения: недалёких одноклассников, стареющую учительницу, а заодно и себя, за слабоволие и неумение в нужный момент дать отпор.

Злость и ненависть начали подтачивать Алевтину изнутри, она подняла глаза на Варвару Витальевну и что-то тихо прошептала. Что именно никто не услышал.

– Продолжаем урок, – биологичка встала из-за стола, про-

шла по классу, остановившись в метре от Алевтины.

– Нефёдова, уже в который раз ты срываешь мне урок. Что с тобой делать?

– На костре сжечь, как ведьму! – выкрикнул Витька.

– Комаров! Рот закрой. Алевтина, что ты молчишь?!

– А что говорить? – прошептала Алька. – Ставьте два, если другого выхода нет.

– Это будет третья двойка, через пару недель заканчивается учёба, ты вообще думаешь об оценках? Завтра контрольная, и ты опять напишешь её на три с минусом, а в конце года ко мне твоя мать прибежит. С цветами и конфетами.

– Варвара Витальевна, зачем вы так? – Аля сглотнула, ощутив, как по телу разливается нервная дрожь.

– Как, так? Я правду говорю, ты ж у нас учишься на подарках. Или думаешь, не знаю, как твоя мама ходит в конце четвертей по классам с пакетами в руках? А тебе потом четвёрки ставят, вместо заслуженных двоек.

– Несправедливость, – не мог уговориться Витька Комаров. – Варвара Витальевна, а давайте учиним над Алевтиной товарищеский суд.

– Помолчи, Виктор!

– Да, Витёк, ты лучше заткнись, а то я сам тебе рот заткну, – не выдержал Димон.

– Замолчите оба! – биологичка вернулась к столу. – Садись, Нефёдова. Доклад ты не подготовила. Ставлю два. Готовься к следующему уроку. Ты хоть тему свою помнишь?

Алевтина закусила губу, начала боязливо озираться по сторонам.

– Не помнит она ничего, – засмеялась Светка. – Маразм Альку одолел.

– Нефёдова, я жду, – торопила биологичка.

Аля открыла тетрадь, стала судорожно перелистывать страницы, к глазам подступили слезы. Где же записана тема доклада? Она точно помнит, что записала её. Но где?!

– Всё с тобой ясно, – вздохнула Варвара Витальевна. – Нефёдова, записывай...

Обидное «склеротичка» раздалось сзади. Кто именно крикнул, Аля не поняла, не стала оборачиваться, но это явилось последней каплей. Бросив в пакет тетрадь, ручку и учебник, Алевтина схватила сумочку и выбежала из класса.

– Нефёдова, вернись! Ты меня слышишь?!

Забежав за школу, Алька немного успокоилась. Она начала дышать равномерно, как её учила Маргарита Анатольевна: глубокий вдох, и медленный выдох. Вдох-выдох.

Лёгкий ветерок трепал волосы, Алька бесцельно брела по стадиону, изредка убирая с лица непослушные светлые пряди.

Как так могло получиться, что она забыла подготовить доклад? Почему Алька вбила себе в голову, что её доклад должен был состояться только через урок? Ведь она пребывала в твёрдой уверенности, что сегодня доклад будет читать Глеб Озеров. Память... Опять её подвела память. Алевтину ско-

вал знакомый липкий ужас, стало страшно за себя, за своё будущее, которое вырисовывалось серым и унылым.

– Прогуливаешь? – услышала Алька шуточный голос Люськи.

– Привет, Люсь. А сама, почему не на уроке?

– У нас алгеброид заболел, грипп его свалил, – усмехнулась Люська, откусив от плитки шоколада большой кусок. – А ты чего здесь?

– Да ну, уйти с урока пришлось.

– Аль, ты плакала?

– Достали меня. Подумаешь, забыла доклад сделать, зачем ржать-то? И Варвара с ними заодно, она меня ненавидит.

– Димка не мог над тобой ржать, и Глеб тоже.

– Я не говорю про них. А твой Димка даже защищать от нападок Комара пытался.

– Он у меня такой, – согласилась Люська. – Шоколадку хочешь?

– Нет. Если честно... – Аля помолчала, – Люсь, я вам завидую. Завидую вашей четвёрке. Ты с Димкой, Глеб с Алиской, у вас классная компания, а у меня никого нет.

– Да ладно, Аль, чего ты грузишься. Пошли их всех, пусть ржут, если мозгов нет.

Алька всхлипнула, а Люська вдруг оживилась.

– Слушай, а давай с нами в субботу на пикник. Мы за город рвануть собираемся, посидим, шашлык будет, соглашайся.

– В субботу? Это уже послезавтра? Не знаю, Люсь.

– Да чего не знаю, хочешь поехать или нет?

– Хочу.

– Всё, договорились, значит, в субботу в десять часов мы за тобой заходим. Идёт?

– Спасибо, Люсь.

– Ерунда. Ты только смотри, задний ход не вздумай дать, учти, я теперь с тебя не слезу, и если откажешься ехать на пикник... – Люська задумалась. – Превратишься в кровного врага. Поняла? Ну всё, давай, до послезавтра.

Алевтина вернулась в школу за пять минут до начала перемены. После биологии у них окно, Аля решила зайти к Маргарите Анатольевне, сегодня её поддержка необходима как воздух. Умывшись и стянув волосы в тугий хвост, Аля поспешила в кабинет школьного психолога.

Десять минут спустя, она рыдала, сидя на неудобном стуле.

– Маргарита Анатольевна, мне страшно, я теряю память, меня обзывают маразматичкой, склеротичкой, надо мной все смеются. Что будет через месяц, а через год, а стану слабоумной, да?

– Аля, девочка моя, что ты говоришь. Успокойся, прошу тебя.

– Сегодня забыла подготовить доклад, даже тему свою вспомнить не могу. Что это, чем я болею, Маргарита Анатольевна?

– Так, давай договоримся, ты берёшь себя в руки и перестаёшь лить слезы. Выпей воды.

– Не хочу.

– Давай-давай, через нехочу, несколько глотков сделай. Вот, молодец. Теперь глубокий вдох. Как я тебя учила. Выдох! Так, а теперь повтори несколько раз.

Немного успокоившись, Алька высморкалась в бумажный платок.

– Простите, – пробормотала она, виновато глядя на психолога.

К Маргарите Анатольевне Аля ходила раза два-три в неделю на протяжении шести последних месяцев. С тех самых пор, когда у неё начались проблемы с памятью, Маргоша, так ласково называли психолога в школе, всеми силами старалась ей помочь. И у неё это получалось, после бесед с психологом Аля всегда полна решимости, оптимизма, но, увы, его хватает ненадолго.

– Аль, когда приезжает твоя мама?

– Не раньше конца июня.

– Ты знаешь, мне с ней необходимо ещё раз переговорить, – Маргарита Анатольевна виновато улыбнулась.

– Хорошо, я попрошу её зайти к вам. Ой, так будут же каникулы.

– Ничего, пусть позвонит мне домой. Ну, ты пришла в себя?

– Вроде да.

– Тогда рассказывай всё по-порядку.

Аля пересказала о сеансе смехотерапии на уроке биологии.

– Говоря откровенно, каждый мог забыть о докладе.

– Я постоянно что-нибудь забываю. Делаю, а потом не могу вспомнить.

– Это нервы.

– А если нет?

– Нервы, Аля, нервы и ничего больше.

– Не знаю, Маргарита Анатольевна, в нервах ли дело. Вот, допустим, иду в магазин, хожу по торговому залу, бросаю продукты в тележку, а когда домой возвращаюсь, вспоминаю, что забыла купить то-то и то-то.

– Со мной такое постоянно происходит. А посмеяться хочешь? Я перед походом в магазин составляю список необходимых продуктов. И в шести случаях из десяти, забываю список дома. Аля, не терзай себя, у тебя хорошая память, но ты немного рассеянна, невнимательна. Продолжаешь делать упражнения на концентрацию внимания?

– Да.

– Понимаешь, в твоём возрасте любая проблема, даже самая незначительная, воспринимается остро. Она раздувается до огромных масштабов, и становится тот самой занозой, которая мешает жить. Не позволяй проблемам брать над тобой верх, борись с ними. И, ради бога, Аля, не забивай голову ерундой, ты ничем не больна, ты просто устала. Скоро ка-

никулы, постарайся хорошенько отдохнуть, лучше с друзьями где-нибудь на природе. Увидишь, проблемы отодвинутся на десятый план.

– А вдруг не отодвинутся? Если моя забывчивость будет и дальше прогрессировать, я стану забывать имена знакомых, забывать названия предметов и...

– И полетишь в Космос, – огорошила Маргарита Анатольевна.

– Почему в Космос? – удивилась Алька.

– А почему бы и нет, Аль? Давай поговорим с тобой на твоём же языке. А что если ты завтра найдёшь миллион рублей, а что если ты послезавтра купишь собаку бойцовской породы? А если она тебя укусит, а если собака покусает всех соседей? А если соседи подадут на тебя в суд? Почему ты смеёшься?

– Да не будет такого, – Аля провела ладонью по лбу.

– Ты уверена?

– На все сто. Во-первых, я не найду миллион, во-вторых, не куплю собаку бойцовской породы, в-третьих...

– Стоп! Вот видишь. В данном случае ты уверена, что мои слова полный бред, так?

– В каком-то роде да.

– А почему же твои опасения, извини, но они тоже бредовые, должны обязательно осуществиться? Ответь. С какой стати ты начнёшь забывать имена знакомых людей? Аль, тебе необходимо тренировать внимание. Ты пережила силь-

нейшее нервное потрясение, отсюда и рассеянность появилась. Это пройдёт, поверь мне, но немножечко потренироваться стоит. В любом случае, не помешает. Согласна?

Алевтина пожала плечами.

– Но тему доклада я забыла.

– Ты сама моделируешь стрессовые ситуации, подсознательно внушая себе, что имеешь проблемы с памятью. Знаешь, кто может причинить наибольший вред человеку? Он сам! Да, сам. Если постоянно, изо дня в день, из месяца в месяц внушать себе, что ты болен, то в конечном итоге ты и, правда, можешь заболеть. Самовнушение приносит как пользу, так и вред, в твоём случае, о пользе речи не идёт. А что касается темы доклада, ну-ка закрой глаза. Расслабься. Про себя досчитай до двадцати и обратно. Считай медленно, дыши ровно.

Алька повиновалась.

– Ты сейчас о чем-нибудь думаешь? – спросила Маргарита Анатольевна спустя минуту.

– Нет.

– Подумай о докладе. О своей теме. Постарайся представить, как ты берёшь ручку и записываешь название темы в тетрадь. Пишешь и видишь. Аля... Вспоминаешь?

– Пока нет.

– Ты же записывала тему в тетрадь? – голос Маргариты Анатольевна сделался более требовательным, настойчивым.

– Да.

– Значит, должна помнить, – Маргарита Анатольевна умолкла, отошла чуть в сторону, неотрывно наблюдая за Алевтиной.

Секунд сорок спустя Алька быстро открыла глаза.

– Маргарита Анатольевна, вспомнила! Моя тема: *«Ценность биологического разнообразия биосферы»*. Точно!

– А для этого всего-навсего требовалось успокоиться и сконцентрировать внимание. Когда у вас биология?

– Завтра.

– Успеешь доклад подготовить?

– Завтра контрольная, доклад мне в следующий четверг делать.

– Отлично, желаю удачи, – Маргарита Анатольевна обняла Алевтину за плечи и прошептала: – Всё у тебя хорошо, девочка моя, не ищи проблем там, где их нет и быть не может.

Весь вечер Алька просидела за учебником, прочитала восемь параграфов, ответила на все дополнительные вопросы, проштудировала рабочую тетрадь, оставшись довольной результатом. Тема, по которой завтра будет контрольная выучена, не выубрена бездумно, а именно выучена, разобрана и понята. Алька не сомневалась, высший бал за контру ей обеспечен. Она так увлеклась, что забыла поужинать, опомнилась уже в полночь, наспех сделала два бутерброда с сыром, налила стакан молока, поела и легла спать.

...Биология была предпоследним – пятым – уроком. Перед контрольной Алевтина немного нервничала, постоянно

доставала из сумки бутылку с минералкой, делая по два-три глотка.

Прозвенел звонок, все расселись по своим местам. Варвара Витальевна раздала листы с тестовыми заданиями. Алька схватила листок, пробежалась глазами по вопросам и возликовала: всё это она знала, дать правильные ответы не составит труда.

– У вас сорок минут, – завела старую пластинку биологичка. – У каждого по двадцать вопросов, читайте внимательно, торопиться не надо, если на какой-нибудь вопрос не знаете ответа, переходите к следующему. На каждый вопрос даны четыре варианта ответа, правильный необходимо подчеркнуть. Тем, кто хорошо усвоил тему, тестовое задание покажется пустяком. Приступайте.

Алевтина взяла ручку и в этот момент ощутила толчок в спину.

– Слышь, Нефёдова, ты сегодня в норме или опять в ма-разме? – шёпотом спросил Витька.

– Отвали! – сквозь зубы процедила Аля.

– Нефёдова, у тебя на волосах паутины полно. Ты в подвале ползала?

Алька резко обернулась, посмотрела на Витьку, а затем начала быстро проводить ладонью по волосам. Витька с Маринкой засмеялись.

– Ты тормоз, Нефёдова.

Варвара Витальевна не успела сказать, чтобы всё умолкли,

ей помешал Димон. Он вскочил с места, подошёл к Витьке, схватил того за грудки и нанёс удар в плечо. Комаров грохнулся на пол, по классу прошлось оживление, Алька с благодарностью смотрела на Димку.

Развопившись, Варвара Витальевна отправила Димона к директору, Комарова заставила умыться, а на Альку спустила всех собак, сделав виноватой.

– Теперь из-за тебя драки прямо в классе устраивают. Молодец, Нефёдова, катишься по наклонной.

– Но я...

– Что ты?! Опять не при чём? Ничего не хочу слышать! Так, тишина, все продолжают отвечать на вопросы.

Алевтина на секунду зажмурилась, хотелось плакать, в груди появилась ноющая боль, одышка.

– Аль, не переживай, – прошептала сидевшая рядом Соня. – Может, тебе выйти надо?

Алька мотнула головой, взяла ручку, уставилась на лист с тестовым заданием и напрочь забыла всё, что знала. Она читала вопросы, смотрела на варианты ответов, и чувствовала себя как медведь, очнувшийся после затянувшейся спячки.

Вскоре прозвенел звонок с урока, а Алька не ответила ни на один вопрос.

– Не забудьте поставить свою фамилию, – напомнила Варвара. – Сдаём работы.

– А когда будут оценки?

– Через неделю, не раньше. Соня, возьми листы, отнеси в

лаборантскую, положи на вторую полку.

Алька вышла из класса и побрела к кабинету физики. Её душила обида и злость. В таком состоянии она просидела половину физики, придя в себя уже перед самым звонком. И вдруг в голове появилась стоящая мысль. А что если обратиться в лаборантскую биологички, взять из шкафа лист со своей фамилией и быстро ответить на вопросы? Домой Варвара контрольные не понесёт, проверять начнёт не раньше понедельника, значит, не всё потеряно.

Алька обратилась к Соне.

– Сонь, не в курсе, кто сегодня дежурный?

– Я дежурная.

– Слушай, а можешь меня выручить, давай дежурствами поменяемся.

– А ты когда должна?

– Во вторник. Но я не смогу, мне к стоматологу надо.

– Идёт, – согласилась Тоня. – Мне как раз сегодня не хочется. Держи ключ.

От своих учеников Варвара Витальевна требовала строжайшей дисциплины связанной с каждодневной уборкой класса. Она лично составляла график дежурств и вручала его старосте класса Соньке Яковлевой.

Получив ключ, Алевтина ощутила внутреннее спокойствие. Часа в четыре она придёт убираться, убьёт двух зайцев сразу, и никто не сможет обвинить её в мошенничестве. Она готовилась к контрольной, знала ответы на вопросы, а ниче-

го не написала исключительно в силу обстоятельств. Поэтому исправить положение вещей считала своим долгом.

...Десять минут пятого Аля открыла дверь, просунула голову в класс и крикнула:

– Есть здесь кто-нибудь?

В ответ тишина. Отлично, Варвара Витальевна успела уйти домой. Дело за малым. Повернув ключ в замке, Аля достала из сумки ручку, поспешив зайти в лаборантскую.

На придвинутом к окну столике она заметила блюдце, чашку с недопитым чаем, нож и крошки на скатерти. Опять биологичка пила чай и забыла вымыть посуду. От класса требует чистоты, а сама даже убрать за собой не может.

С полки Алевтина схватила пачку листов, начав искать свою контрольную. Но сначала наткнулась на работу Комарова, просмотрела, усмехнулась. Идиот! Из двадцати заданий он правильно ответил только на три. А впрочем, чему удивляться, что ещё можно ожидать от Витьки. Потом Алька увидела лист Димона, нахмурилась, узнав, что пять вопросов он оставил без ответа. Поколебавшись, она подчеркнула правильные варианты и, наконец, выудила из пачки свою контрольную.

Неизвестно, как и почему это произошло, но спустя десять минут, когда Алька уже заканчивала с тестами, дверь в лаборантскую открылась, на пороге появилась Варвара Витальевна. Увидев за столом Альку и разбросанные листы, биологичка зашла в крике. Алевтина пребывала в шоковом

состоянии. Она настолько ушла в себя, отвечая на вопросы, что не услышала шума открываемой двери и шагов. Это был конец!

Варвара обещала устроить Алевтине весёленькую жизнь уже в понедельник.

– Мы с тобой поговорим в кабинете директора. Этот поступок тебе боком выйдет, Нефёдова. И мать не поможет.

– Оставьте в покое мою маму, – сухо бросила Аля, встав из-за стола.

– Не нравится, правда глаза колет? А ты подумай, каково ей будет, когда она узнает, в кого превратилась её дочь. По чужим полкам шаришь. Это так тебя мать с отцом воспитывали?

Алевтина вздрогнула.

– Не смейте упоминать отца! Не смейте! Слышите?! – прочеканила Алевтина, ощутив слабость в теле и лёгкое головокружение.

– Если бы он был жив...

– Замолчите! – сорвалась на крик Алька, сжав кулаки.

– Глее-е-еб, Алиска пришла, иди, встречай свою ненаглядную, – крикнула Люська.

– А где твой ненаглядный, где Димка? – спросила Алиса, поцеловав Люську в щёку.

– Ещё не пришёл. Глеб, сколько можно копать?

– Да иду я, иду. Привет, Алис. Люсь, всё из холодильника взяла?

– Лёд в морозилке оставила.

– Остроумно, – я прошел в кухню, проверил, выключен ли у нас газ и вернулся в прихожку.

– В принципе можно отчаливать. Димку на улице подождем.

Раздался звонок.

– А вот и он, лёгок на помине.

Димон первым делом побежал в ванную.

– Какие-то уроды в вашем лифте кнопки дрянью липкой намазали. Блин, Глебыч, у вас что, воды нет?

– Вода есть, – Люська зашла в туалет, открыла стояк и крутанула вентиль. – Мы её отключаем, когда из дома надолго уходим.

– За фигом?

– Диана просит, чтобы ненароком не затопить соседей.

– А-а, меры предосторожности. Ну-ну.

А сейчас я хочу сделать небольшое отступление, пояснив кто, кому и кем приходится, чтобы в дальнейшем не возникло вопросов. Я – Глеб Озеров, мне пятнадцать лет, Люська моя сестра. Мы живём у Дианы, нашей бабушки, которая буквально зеленеет, когда к ней так обращаются. Диана народная артистка, работает в театре, снимается в кино и на телевидении. Часто уезжает на гастроли, на съёмки, тогда мы с Люськой остаёмся за полноправных хозяев. Родители у нас

есть, отец бизнесмен, мать – домохозяйка, они живут в загородном доме, откуда мы с Люськой драпанули, когда познакомились с Димонем и Алиской. Перевелись в новую школу, обзавелись новыми друзьями-знакомыми и были вполне довольны жизнью.

Сегодня решили устроить пикник с шашлыком на природе, затарились продуктами, посмотрели по инету прогноз погоды – дожди вроде не ожидаются – и поспешили сгинуть из города в область. Поближе к чистому воздуху, подальше от смога.

На улице Люська вспомнила, что пригласила с нами Альку.

– Совсем забыла ей позвонить, – опомнилась она, когда мы отошли на значительное расстояние от дома. – Ребят, надо вернуться. Неудобно получится.

– Люсь, ты всё делаешь в самый последний момент.

– Глеб, я не виновата, замоталась.

– Тогда иди, чего ждёшь, мы тут постоим.

– Нет, пошли вместе, – вмешалась Алиска. – Люсь, а Алька согласилась поехать за город?

– Ну да, я с ней в четверг разговаривала.

– Если только она не забыла о вашем разговоре. Что-то в последнее время Алька тормозит, – Димон переглянулся со мной, потом посмотрел на Люську.

– А мне её жалко, – Алиса достала из кармана пачку жевательной резинки, протянув всем по одной подушечке. –

Столько всего на неё свалилось. Поэтому у неё и с памятью проблемы, на нервной почве. Я вообще поражаюсь, такое впечатление, что в вашем классе одни придурки учатся, у человека горе, а они издеваются.

– Во-во, – поддакнула Люська. – Один Комар чего стоит – debil со стажем. Алис, он вроде раньше с тобой в классе учился.

– Ну да, потом его на второй год оставили, он к ним перешёл.

– А что мы можем сделать? Ни я, ни Глебыч над Алькой не прикалываемся.

– Морду другим бить надо! – заявила Люська.

– Всем морду не набьёшь, да и не действенный это метод. Если у человека в голове нет мозгов, от мордобоя они не появятся. Хотя Димон здорово Комару вчера врезал.

Минуты через две Димка спросил:

– Алис, а что у Альки случилось, почему ты про нервы сказала?

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Дим, ты с луны свалился?

– Алис, – я остановился, переложив сумку в другую руку. – Я вообще-то тоже не в курсах.

– Во дают, – протянула Люська. – Пацаны, а вы, оказываются, сами тормозите.

– На себя посмотри, давай, колись, что у Альки случи-

лось?

– Пусть Алиска рассказывает.

– У неё в сентябре отца убили. Он журналистом работал, Алька тогда на две недели в больницу загремела с нервным срывом.

– Я не знал, – едва слышно прошептал Димон.

– Этим не принято хвастаться, вроде даже мать Али в школу приходила, с директором разговаривала, просила, чтобы про убийство не распространялись. Но слухи, есть слухи. Информация просочилась, начали шептаться по углам, половина школы точно в курсе.

– Кроме нас с Димоном. Алис, а мать у неё кто?

– Тоже журналист. Она спецкор, постоянно в командировках, месяцами дома не появляется.

– Подожди, а Алька с кем живёт?

– Одна она живёт, – встряла Люська. – Теперь понимаете, каково девчонке, днём над ней полудурки одноклассники прикалываются, а вечерами она в четырёх стенах мается. Мы с Алиской пробовали с ней потеснее общаться, отказывается, думает, мы из жалости дружбу предлагаем.

– Да, дела, Димон, – я посмотрел на часы. – Теперь и я чувствую себя свиньёй.

– Ты здесь не при чём, – успокоила меня Алиска.

Мы зашли в подъезд, поднялись на лифте на десятый этаж, и Люська нажала на кнопку звонка.

Аля открыла дверь минуты через три. Она смотрела на

нас сонными глазами, пытаюсь понять, зачем мы разбудили её в десять утра в субботу.

– Привет, – протянула Алька, посторонившись. – Вы ко мне?

– Аль, ты спала? – Люська бесцеремонно прошла в прихожую, уперев руки в бока.

– Спала. А... что-нибудь случилось?

– Случилось! Мы тебя на пикник приглашали, помнишь?

– Ой, Люсь...

– Забыла?

– Да нет, – Аля побежала в спальню. – Помню, мы с тобой позавчера на стадионе разговаривали. Просто всё из головы вылетело.

– Теперь ты проснулась, точнее, мы тебя разбудили, – улыбнулся Димон. – И ты обязана поехать с нами на шашлыки.

– Поедем, Аль, – я произнёс это настолько жалостливым тоном, что Люська сразу на меня зашипела.

– Прекрати, Глеб, не разговаривай с ней как с идиоткой.

– Конечно, поеду, ребят. Дайте мне десять, нет, двадцать минут и я соберусь.

– Да хоть двадцать пять, – Люська пошла в кухню. – Аль, мы чайку выпьем?

– Конечно, Люсь.

– Такта у тебя на три копейки, – сказал я сестре. – Чайку она выпьет, ты ещё её стиральную машину своими шмотка-

ми загрузи.

– Глеб, помолчи. Алис, приструни его, он меня напрягает.

Пока Люська разливала чай, Алевтина переговаривалась с нами из комнаты.

– Ребят, у меня есть помидоры, огурцы, сыр. Можно взять.

– Мы взяли и помидоры и баклажаны, – ответила Люська.

– А огурцы?

– Огурцы не нужны. Помидоры с баклажанами на шампур насадим... Кстати, Дим, шампура ты взял?

– Взял-взял.

– ...запечем их на костре, – Люська облизнулась. – И под мясо, самое то будет.

– У меня зефир есть, давайте возьмем, к чаю.

– Аль, я тебя сейчас ударю, какой чай на пикнике? Мы вообще-то шашлыки есть собираемся, а не чаи распивать.

Алевтина прошла в кухню, прислонилась спиной к стене и выдохнула.

– Фу! Вроде готова. Слушайте, а точно ничего брать не надо? Конфеты или печенье?

– Так, – Люська засучила рукава. – Держите меня крепче, я сейчас начну с ней разбираться.

– Люсь, я молчу, – Аля засмеялась и вновь скрылась в спальне. – Только сумочку возьму.

– Люська, мой посуду, – сказал я сестре, пока Алька копалась в комнате.

– Да без проблем, Глеб, – она демонстративно подошла к

раковине, включив воду.

Посуда была перемыта, мы продолжали сидеть в кухне, Алевтина задерживалась.

– Аль, ты долго ещё? – крикнул Димон.

Ответа никто не услышал.

– Аля, ты куда за сумкой отправилась?

– Мне это не нравится, – Алиска встала и вышла в коридор. Мы пошли за ней следом.

Алевтина сидела на кровати, рядом на полу лежала её кожаная сумочка. Наше появление заставило Алю вздрогнуть, она резко вскочила с кровати, вытолкала нас из комнаты, хлопнув дверью.

– Я никуда не поеду! – кричала Алька, через закрытую дверь. – Не поеду. Уходите!

– Аль, ты чего, в чём дело?

– Не поеду я на пикник! Я ничего не хочу, мне надо побыть одной.

Мы слышали её шаги и шуршание, но когда Люська попыталась открыть дверь, Алевтина сорвалась на крик:

– Оставьте меня в покое! – Она упала на кровать, уткнулась лицом в подушку и разрыдалась.

Мы зашли в комнату. Сумки на полу уже не было, Алька рыдала навзрыд, нас её резкая смена настроения испугала не на шутку.

– Дело ясное, – сказала Люська, сев на край кровати. – Шашлык отменяется. Аля, мы тебя не оставим, скажи, что

произошло?

Но Алька продолжала рыдать. Она проплакала без малого час, потом, не реагирую на нас, заснула. И так продолжалось до самого вечера: Алевтина или плакала, или погружалась в кратковременную дрему, или лёжа на спине, смотрела в потолок. Люська с Алиской остались у неё с ночёвкой. Утром они сообщили нам с Димоном, что пока всё без изменений.

– Может, «скорую» вызвать? – неуверенно спросил я сестру.

– И что им сказать? Не знаю, Глеб... С ней явно что-то случилось, причём внезапно. Она пошла за сумочкой, а потом... – договорить Люська не успела. Алевтина встала с кровати, посмотрела на нас и заплакала.

– Аль, давай мы позвоним врачу, – Алиса попыталась обнять её за плечи, но Аля вывернулась.

– Не надо врача.

– У тебя что-нибудь болит? – допытывалась Люська.

– Нет.

– Хочешь есть?

– Только пить.

Когда Алиска принесла стакан кипяченой воды, Аля попросила нас не оставлять её одну.

– Пожалуйста, останьтесь со мной, мне страшно. Не уходите.

– Мы пробудем здесь сколько скажешь, не волнуйся.

Алька обняла Люську и заревела.

Вечером ей стало значительно лучше, Аля полила цветы, поела, потом снова взяла пластмассовую лейку.

– Аль, ты уже поливала цветы, – усмехнулась Люська.

– Разве? Когда?

– Десять минут назад.

– А-а-а... Ну да, поливала. А у нас завтра какой первый урок?

– История, – сказал Димон.

Алька растеряно осмотрелась по сторонам, будто оказалась в собственной квартире впервые.

– История, – повторила она. – Нам что-нибудь задавали?

– Давай ты ляжешь, – Люська повела её в комнату. – Отдохни немного.

– Останешься ночевать?

– Мы с Алисой останемся, а завтра вместе в школу пойдём. Только я к себе на пару сек смотаюсь, вещи возьму и учебники.

В полночь Люська позвонила мне на мобильный.

– Как Алька, – спешно спросил я, услышав в трубке голос сестры.

– Недавно уснула. Глеб, нам с Алиской кажется, она тронулась. У неё проблемы с головой, а я даже не знаю, к кому обратиться за помощью, и телефона её матери нет.

– Посмотрим, что будет завтра. Люсь, вы от неё ночью не отходите, спите по-очереди.

– Кого ты учишь, Глеб, – психанула Люська и отсоедини-

лась.

Утром Аля выглядела уставшей, нервной, постоянно дёргалась, вздрагивала. Люська напоила её отваром пустырника, Алиса помогла собрать учебники и тетради.

В школу мы пришли в четверть девятого, и уже на первом уроке узнали страшную новость. В пятницу вечером в кабинете биологии, – а точнее в лаборантской – охранник обнаружил раненую Варвару Витальевну. Нашей учительнице и временному классному руководителю было нанесено два ножевых ранения.

В состоянии комы она находилась в одной из столичных больниц.

Глава вторая

Презумпция невиновности

Уроков, как таковых, у нас не было; в старших классах атмосфера царила не учебная. В классе стоял гул, мы сидели за партами, переговаривались, обсуждали, поражались. На учителей было жалко смотреть, попытка убийства Варвары Витальевны, да ни где-нибудь, а в стенах родной школы, явилась для них настоящим шоком.

В кабинете директора расположился следователь Огнищев, сам директор на время общения Огнищева с учениками, перебрался в учительскую.

Для беседы нас вызывали по одному, долго не задерживали, вопросы Огнищев задавал тактично, старался, так ска-

зять, не травмировать неокрепшую подростковую психику.

Когда пришла моя очередь давать показания, я честно признался, что Варвару Витальевну видел в пятницу на предпоследнем уроке. Всё – больше ничего не знаю. Меня отпустили через пять минут.

Алевтину Огнищев продержал чуть дольше остальных.

– Мне сказали, ты дежурила в пятницу в классе, – спросил он у Али, подметив, как сильно дрожат у неё губы и трясутся руки.

– Да, дежурила, – Алька говорила тихим голосом, следовательно приходилось напрягать слух и подаваться вперёд, чтобы слышать её слова.

– Во сколько ты пришла в класс?

– Точно не помню, где-то около четырёх часов.

– Ты была там одна?

– Мы всегда убираемся поодиночке. В других классах дежурных двое, а у нас... – Аля умолкла.

– А у вас? – задал вопрос Огнищев.

– Варвара Витальевна настаивает, что одного человека для уборки класса достаточно.

– Понятно. И долго ты убиралась?

– Минут тридцать, потом ушла домой.

– Приблизительно в половине пятого, так?

– Наверное, – Аля начала кашлять.

Следователь протянул ей стакан воды.

– Спасибо, – буркнула Алька, сделав несколько больших

ГЛОТКОВ.

– Вспомни, кто-нибудь заходил в класс, пока ты убира-
лась?

– Пришла Варвара Витальевна, она попросила меня уйти
домой. Я ушла. Это всё.

– А, спускаясь вниз, кого-нибудь встретила?

– Я не обращала внимания на лица. Извините.

– Скажи, почему ты дежурила вне очереди. Твоя фамилия
Нефёдова, у меня есть график ваших дежурств, – Огнищев
отыскал среди бумаг лист формата А-4 и нашёл фамилию
Альки. – В пятницу стоит фамилия Яковлевой Софьи. Де-
журство Нефёдовой во вторник.

– Знаю, но мы с Соней поменялись. На вторник у меня
талон к стоматологу.

Следователь кивнул.

– Что ж, Алевтина, спасибо, ты можешь идти.

Прежде чем встать с кресла Алька немного поколебалась,
исподлобья посмотрела на Огнищева, после чего резко вста-
ла и выбежала в приёмную. У неё горели щеки, в горле стоял
ком, требовалось немедленно умыть лицо холодной водой.
Алька побежала в туалет.

В половине второго мы возвращались домой.

– Кто-нибудь видел, когда ушла Алька? – спросила Люсь-
ка, пнув ногой жестяную банку.

– У нас физра последним уроком была, Алька редко на
ней появляется.

– Может, зайдём к ней?

– Я не против, – Алиска посмотрела на меня. – Глеб, ты как?

– Пошли, – мне было всё равно, куда идти. Настроение отвратное, сидеть дома в четырёх стенах в таком состоянии строго противопоказано.

– Варвару убить пытались, – в сотый раз проговорил Димон. – Капец! До меня ещё это не дошло, не могу осознать.

– Такая же фигня, – согласилась Люська. – Попытка убийства в школе – обалдеть!

– Я еле до конца уроков досидела, – призналась Алиса. – В туалет было страшно заходить.

– Да брось, или думаешь, убийца до сих пор в школе?

– Всё равно страшно.

– А семья у Варвары есть?

– Муж и, по-моему, дочь, вроде уже взрослая.

– Жесть! Пытались замочить в своём же классе.

– По-вашему, убийцу найдут? – Алиса остановилась и смотрела на нас с вызовом.

– Думаю, да, – протянул я.

– Да никого они не найдут, Глебыч. Не доверяю я нашим органам.

– С чего вдруг?

– Не знаю, не доверяю и точка, – ответил Димон.

– Я с Димкой согласна, – кивнула Люська. – Ну, вот у Альки отца убили, и что, нашли этих подонков? Нет, конечно.

И не найдут, а потом дело закроют и на полочку в архив отправят. Убийца на свободе, ходит среди нас по улицам, ест в кафе, ездит в метро. Эй, Глеб, куда зарулил, Алькин подъезд прямо.

– Задумался.

Алевтина открыла дверь практически сразу. Понуро опустив голову, она пропустила нас в прихожую, дождалась, пока Димон хлопнет дверью и как-то уж очень по-обыденному, сказала:

– Ребят, Варвару Витальевну ранила я.

Первая мысль – шутка. Неудачная, жестокая, нелепая и безрассудная шутка. Но глядя на бледную Альку, видя её перепуганное до полусмерти лицо, мелькавший в глазах страх, мысль о шутке начала постепенно вытесняться.

Ни пророня ни слова, Аля пошла в комнату, мы, как загипнотизированные, двинулись за ней.

На письменном столе, том самом, за которым она делала уроки, читала-писала, учила, лежал прозрачный полиэтиленовый пакет. Внутри пакета мы увидели перепачканный кровью нож. Да и сам пакет был вымазан кровью.

Я сразу узнал нож нашей биологички, именно этим ножом она часто резала тортики с которыми после окончания уроков любила пить чай в лаборантской.

Димон схватил Алю за плечи, начал трясти.

– Ты что, офонарела?! Что ты наделала, дура!

– Я не хотела, – по щекам Алевтины потекли слёзы. – Сама

не знаю, как так получилось.

– Почему, ты это сделала? – Алиса была вынуждена сесть на край кровати, у неё подкашивались ноги.

– Не знаю, – заплакала Алька. – Я ничего не помню.

– Да тебя теперь...

– Дим, погоди, – я взял Альку за руку, посмотрел ей в глаза. – Что, значит, не помнишь?

– Я не ответила на тестовые задания, потом поменялась с Соней дежурствами, зашла в лаборантскую, взяла свой листок, и вдруг в лаборантской появилась Варвара. Она стала меня оскорблять, вспомнила отца, говорила, что я пошла по наклонной.

– И за это ты пырнула её ножом?

– Нет, – Алька замотала головой. – Помню только, как выбегала из класса, как спускалась по лестнице, потом... улица, мой подъезд, дверь и кровать. Я легла спать.

– Состояние аффекта? – тихо спросила у меня Люська.

– Да какой аффект, не резала она никого.

– Как не резала? – в один голос спросили Люська с Алевтиной.

– Ты сама говоришь, ничего не помнишь, а раз не помнишь, зачем на себя наговариваешь.

– Глебыч, ты её выгораживать собрался, – нахмурился Димон. – Не-е, так дело не пойдёт. Вы как хотите, а я умываю руки. Эта ненормальная пыталась грохнуть училку, и я с ней связываться не собираюсь, потом еще, как соучастника в ко-

лонию отправят. Я сваливаю отсюда.

– Дим, я с тобой, – Люська посмотрела на Альку и выдавила: – Советую тебе пойти к следователю.

– Стойте! – крикнул я. – Димон, Люсь, какая колония, какой следователь, кого вы обвиняете, посмотрите на неё, это же Алька. Алька Нефёдова.

– Мы в курсе как её зовут, но мы слышали признания и видим окровавленный нож.

– Нож Варвары, – согласился Димон.

– Глеб прав, – на мою сторону встала Алиса. – Не могла Аля убить Варвару.

– А нож? – едва слышно спросила Алевтина.

– Что ты заладила, нож-нож! Он есть, согласен, но это ни о чём не говорит.

– Хорошенькое дело, – хмыкнула Люська, – Дим, ты слышал, оказывается окровавленный нож совсем не улика.

– Люсь, умолкни.

– А ты мне рот не затыкай, если вам с Алиской нравится отстаивать права убийцы, пожалуйста, флаг в руки, а мы уходим.

– Ты можешь помолчать? Сядь, дай с мыслями собраться, поймите, здесь очень много нестыковок. Очень!

– Например?

– Например, если Алька действительно пырнула Варвару, зачем она показала нам нож и призналась в содеянном?

Люська вытянула губы трубочкой.

– Раскаяться. А тем более она не помнит, как орудовала ножом, склероз разыгрался.

– Не забывай, что существует презумпция невиновности.

– Глебыч, не надо только здесь ля-ля, презумпция невиновности, пятое, десятое. Хорошо, предположим, я на минуту готов тебе поверить, тогда объясни мне, только объясни популярно, как здесь оказался нож?

– Да, Глеб, давай блесни красноречием, мы ждём, – язвила Люська.

Выдержав паузу, я обратился к Алевтине:

– Аль, вспомни, ты видела нож в лаборантской?

– Да. Сразу заметила его на столе, как только зашла. Там ещё чашка с блюдцем стояла и крошки от торта на скатерти.

– Когда ты разговаривала с Варварой, где стояла ты и где она?

Алька задумалась.

– Сначала я возле стола стояла, а когда Варвара Витальевна приблизилась ко мне, я отошла к двери.

– Ну? – я посмотрел на Димона.

– Это ни о чём не говорит, – развел он руками.

– По-твоему, Алька пырнула ножом Варвару, положила его в полиэтиленовый пакет и унесла домой?

– Ты же видишь, нож и пакет здесь, значит, всё так и было.

– А где логика, Димон, какой смысл тащить нож домой?

– Я обнаружила его ещё в субботу, – огорошила признанием Алевтина. – Помните, вы на кухне сидели, а я за су-

мочкой пошла.

– Ну?

– Открыла её, а там нож...

– Подожди, поэтому с тобой истерика случилась? – нахмурилась Люська.

– Я в ступор впала, нож-то моментально узнала, а когда кровь увидела, чуть сознание не потеряла. Сразу сообразила, произошло что-то ужасное.

– Почему нам ничего не сказала?

– Боялась. Ребят, я ведь ничего не помнила, только мелочи, все подробности стерлись из памяти. Я убийца! Я пыталась убить Варвару Витальевну! – Алевтина упала на пол.

Алиса с Люской начали её успокаивать.

– Видел? – спросил я у Димона. – Не тянет Алька на убийцу. И улик кроме этого ножа против неё нет.

– Ножа достаточно.

– Для настоящего убийцы – да, но не для Альки.

– Дим, наверное, Глеб прав, – неожиданно заявила Люська.

– И ты туда же?

– Посмотри на неё, она не могла это сделать. Аль, я тебе верю. Не плач. Алька!

Димон пнул ногой дверь.

– Блин, свяжешься с вами. Развели здесь детский сад: могла – не могла. Ну ладно, чёрт с вами, закроем глаза на в принципе видимую правду, но тогда скажите, как в её сумочке

оказался окровавленный нож?

– Ответ очевиден, – Алиса встала, подошла к письменному столу. – Нож Альке подбросили.

– Кто?

– Убийца.

– Хм, да, в логике тебе не откажешь.

Несколько минут спустя, когда Аля уже сидела на кровати, а Алиса гладила её по волосам, Димон присел рядом.

– Аль, слушай, я не знаю, что там произошло в пятницу, но, в общем... извини. Наверное, Глебыч действительно прав, тут разобраться надо, а презумпцию невиновности никто не отменял.

– Так давайте разберёмся, – предложила Люська.

Димон поймал мой взгляд.

– А что, попробуем доказать самим себе, что чёрное это на самом деле белое, а?

Алька всхлипнула.

– Я могу быть невиновной, да?

– Так и есть, Аль, – попыталась улыбнуться Алиса.

Через час, когда страсти немного поутихли, Димон предложил Альке напрячь память и попытаться вспомнить хоть что-нибудь.

– Давай вместе пробовать. Я буду говорить, а ты вспоминай, должна же твоя память прийти тебе на помощь. Короче, ты пришла в класс, зашла в лаборантскую, села за стол, потом туда ворвалась Варвара, вы пообщались, и ты отпра-

вилаась домой. Живая невредимая Варвара Витальевна осталась в кабинете. Подумай, кто мог подбросить тебе в сумку нож?

– А вдруг он там уже лежал? – предположила Алиса. – Алька сидела в лаборантской, сумочка была в кабинете, кто-то мог положить туда такой же нож как у Варвары, предварительно испачкав его кровью. Стойте, а вдруг это не кровь вообще?

– Интересная версия, только как мы узнаем, чем перепачкан нож? На экспертизу его не повезешь же.

– Нет, – крикнула Алька.

– Что нет?

– Ножа в сумочке не было. Вспомнила! Когда дома я подошла к двери, и долго искала ключи... рылась в сумке, и потом нашла связку во внутреннем кармане. Если бы нож уже лежал там, я бы его заметила. Глеб, ножа в сумочке не было, – теперь Алька расплакалась от счастья. – Я пришла из школы без ножа. Без ножа, понимаете?

– Выходит, его подбросили позже.

– Каким образом, разве у кого-нибудь есть ключи от квартиры?

– Нет, – мотнула головой Алька. – Ключи только у меня и у мамы.

– У тебя две двери, ты обе закрываешь?

– В основном только наружную, металлическую.

– На задвижку?

– Задвижки у нас нет, я на нижний замок закрываю.

– Не стыкуется ничего, – злилась Люська. – Предположим, нож подбросили, проникли в квартиру и зачем-то оставили его в сумке Альки. Но!.. Откуда этот человек мог знать, что Алька сразу ляжет спать, заснёт богатырским сном, не видя и не слыша ничего вокруг? Не ясновидящей же он, в самом деле.

– Человек невидимка здесь пошуровал. Аль, а в чём ты была одета в пятницу?

– Дим, нашёл, чем интересоваться, – Люська толкнула Димона в бок.

– И всё-таки, Аль, проверь одежду.

Я понял, куда клонит Димон, он хотел удостовериться, что на одежде нет следов крови. Кофта и юбка Алевтины оказались чистыми.

Димон вышел в прихожую.

– Нижний замок металлической двери хиловат, – сообщил он спустя пару минут. – Открыть его не так сложно. Опа!

– Что там, Дим?

– Идите сюда.

Мы выбежали в прихожку.

– Я могу ошибаться, но, по-моему, это кровь, – сказал Димон, ткнув пальцем в обивку металлической двери с внутренней стороны. На бежевом дерматине, на уровне нижнего замка, виднелся отчётливый бордово-коричневатый след.

– Да, на кровь похоже, – прошептала Алиса.

– Это кровь и есть, – махнула рукой Алька. – И я, и мама часто о замок пальцы режем. Смотрите, нам не совсем правильно установили планку, которая входит в дверной косяк, её врезали на несколько миллиметров ближе, чем следовало. Когда опускаешь ручку, а потом начинаешь толкать дверь, мизинец правой руки иногда касается планки. Острый край режет кожу, кровь сильно идёт. Мы раньше кусочек ваты скотчем на край планки прикрепляли, но он отклеивается быстро, а мастера вызвать руки не доходят.

– И давно на дерматине след крови?

– В четверг его не было, я убиралась, обивку дверей тоже протирала. Наверное, я в пятницу утром порезалась.

– Покажи ладонь, – потребовала Люська. – Правую.

Алька вытянула руку.

– Нестыковочка, нет у тебя на мизинце ни намека на рану.

– Но ведь...

– Не но, Аль, это не твоя кровь. Это кровь человека, который проник в твою квартиру и подбросил в сумочку нож.

– Ты уверена?

Я не дал Люське ответить, попросил у Алевтины лезвие или острый нож.

– И пакетик маленький, но обязательно чистыйхвати, – крикнул я.

– Что ты задумал, Глеб?

– А что в подобных ситуациях делают полицейские? От-

правляют кровь на экспертизу. Мы поступим иначе, пока просто вырежем кусочек испачканного дерматина и сохраним его до лучших времен.

– До каких времен?

– До лучших, – повторил я, взяв у Альки острый нож.

Аккуратно вырезав квадрат размером примерно четыре на четыре сантиметра, я положил его в пакет, попросив Димона найти в инете инфу о том, как и где хранить материал – в данном случае высохшую кровь – до проведения необходимой криминалистической экспертизы.

– А пакет с ножом надо надёжно перепрятать, – сказал я, глядя на выбивавшуюся из дыры в обивке белую вату.

План дальнейших действий мы разработали, учитывая имеющуюся у нас скудную информацию. Требовалось узнать многое, но пока, находясь в самом начале нашего расследования, пребывая, так сказать, в непонятках, мы могли рассчитывать исключительно на везение и удачу. Попытка убийства это далеко не шутки, это серьёзное преступление, которое не сравнишь с кражей или незаконным проникновением на чужую территорию. Я очень сомневаюсь, что мы взяли бы за это дело, не окажись под ударом судьба Альки. Нет, я не хочу сказать, что струсил или чего-то сильно боялся, просто мысленно поставив на одну чашу весов наши силы, а на вторую случай с Варварой, понимал – перевес не в нашу сторону.

– С чего начать? – спросила Люська, держа в руках блок-

нот и ручку.

– Желательно с самого начала, – отшутился Димон.

– без шуток, Дим.

– Тогда, наверное, с подозреваемых, – ответил я. – Попытка убийства есть, следовательно, должны быть подозреваемые.

– Кроме Альки подозревать некого, – ляпнула Люська и сразу же осеклась. – Аль, извини, я совсем не это хотела сказать.

– Но сказала именно то, что сказала, – Алиса быстро взяла ладонь Алевтины в свою. – Люсь, ну хоть немножко думать надо.

– Я не сержусь, всё в порядке, – Алька выдавила жалкую улыбку и сглотнула.

– А как вам кандидатура Дениса? – спросил Димон, стараясь поскорее переключиться в другое русло и локализовать неловкость.

– Кто такой Денис?

– Ну Ден, охранник наш. Он же обнаружил раненую Варвару Витальевну, значит, и главным подозреваемым быть ему.

– Это бред, Дим, получается, любой, кто проявил бдительность в критической ситуации, вызвал «скорую» к умирающему, или полицию при обнаружении трупа становится виноватым?

– Такова практика.

– Да дурацкая практика, – не соглашалась Алиса. – Поэтому люди и боятся о правонарушениях сообщать, думают, их или соучастниками или обвиняемыми в итоге сделают. Намного проще обвинить в убийстве того, кто труп обнаружил, чем настоящих убийц искать. А скажи, какой смысл Денису желать смерти Варваре Витальевне, он с ней и не пересекался нигде. Утром поздоровается, днём попрощается, вот и всё общение.

– Недооцениваешь ты, Алиска, людей, – Люська что-то записала в блокноте и с видом матёрого детектива начала ходить по комнате. – Чем убийца отличается от не убийцы?

– Тем, что один убивает, а второй нет, – сказал я.

– А вычислить, кто есть кто, ты сможешь? Вот так навскидку, взглянув в толпу и сказать, вот тот толстый убийца, та рыжая воровка, а старик с палкой насильник.

Димон засмеялся.

– Со стариком с палкой ты загнула.

– Дим, не сбивай меня, Глеб, не молчи.

– Ты всё переворачиваешь с ног на голову. Нет, я не смогу сказать, кто есть кто, не зная человека.

– Вот! В этом вся и загвоздка. Пока не узнаешь человека лучше, не выяснишь чем и как он живёт, очень трудно дать ему характеристику. Алис, согласись, то, что у Дена симпатичная внешность, и он всегда улыбается, не означает, что он ангел с незапятнанной репутацией.

– А мне кажется, Денис не симпатичный, – протянула

Алька.

– Я тоже равнодушна к его внешности, – Алиса пожалала плечами. – А тебе он нравится, что ли, чисто внешне?

Люська зарделась.

– Девчонки, он симпатичный, у вас вкуса нет.

– Ничего, что мы с Глебычем рядом сидим? – спросил Димон. – Мы вам не мешаем, или нам выйти минут на десять, а вы пока внешность Дена обсудите. Люсь, что за дела?

– Я просто сказала. И вообще, к чему я веду, ты прав, с Денисом надо поговорить. В любом случае он был в лаборантской.

– И кто будет с ним разговаривать?

– Только не я, – поспешила вставить Алиса.

– Я тоже не смогу, – пискнула Алевтина.

– Я сама могу.

– Ещё чего, – Димон показал Люське кулак. – Сам с ним встречусь. А вам, девчонки, надо бы домой к Варваре сходить. Вдруг что всплывёт.

– Дим, ты представь, в каком состоянии сейчас находится её родня, а тут мы пожаловали, здрасти, расскажите нам что-нибудь интересное, мы детективы. Так, да?

– Алис, не надо сарказма, я знаю, что у них не лучшие времена, но пойти можно дня через два-три. Поговорить надо, возможно, в непринуждённом разговоре проскочит какое-нибудь словечко или фраза, за которую мы сможем зацепиться. К тому же у семьи могут быть свои подозреваемые.

– Сомневаюсь.

– А не надо сомневаться, сомнения губят надежду.

– Домой к Варваре Витальевне могу пойти я, – предложила Аля. – Только не одна.

– Вместе пойдём, – протянула Люська.

– А мы с Алиской берём на себя школу, – сказал я. – Алис, на тебе девчонки, на мне парни, надо постараться разжиться информацией. Сплетни, слухи, домыслы, предположения, короче всё, что связано с этим делом.

– Дохлый номер, Глебыч, у нас в школе любят раздувать из мух слонов.

– Пусть раздувают. Нам не нужны слоны, но зато мы будем располагать мухами, а они и есть те самые ценные зерна.

– Мухи – зерна, – скривилась Люська. – Глеб, хватит говорить образно, терпеть этого не могу.

– А мне нравится, – встала на мою защиту Алиса.

– Кто бы сомневался, ты ж за Глеба горой.

– Куда нитка, туда и иголка, – веселился Димон.

– Шерочка с машерочкой, – засмеялась Люська.

– Молчали бы лучше, – сухо бросил я. – И ты с ниткой, и ты со своей шерочкой. На себя сначала посмотрите, сами друг от друга ни на шаг не отходите.

– Слушайте, не время отношения выяснять, – насупилась Алиса.

– Да я в принципе спокойна, как танк, Алис.

Молчавшая Алевтина неожиданно заявила:

– Давно хотела иметь друзей. Таких как вы, – добавила она после секундной паузы.

...В пятницу вечером мы собрались у нас дома, день оказался весьма щедрым на информацию, потому как именно сегодня Люська с Алей ходили домой к Варваре Витальевне, а Димону после уроков удалось поговорить с Денисом.

– Мне похвастаться нечем, – сразу признался я.

– Что, не удалось найти ни слонов, ни мух? – издевалась Люська.

– Представь себе. Версии, конечно, гуляют по школе, но одна безумней другой. Сами судите, маньяка отмечаем, месть бывших выпускников Варвары тоже...

– А почему? – вдруг спросила Алька.

– Аль, это глупо. Никто из мести не стал бы днём в школе орудовать ножом, и уж тем более никто бы не стал подбрасывать тебе нож в сумочку. Здесь все более тонко и хитро. Нет, версия с мстостью выпускников выглядит нелепо.

– Мне повезло больше, – Алису распирало от волнения. – Аль, ты окончательно реабилитирована. И те, кто изначально тебе не верил, и сомневались, – Алиса посмотрела на Димона и Люську, – могут ещё раз извиниться. Тебя видела историчка.

– Где видела? – не поняла Алевтина.

– В пятницу в коридоре, когда ты выскочила из кабинета биологии. Она говорит, ты как ошпаренная вылетела, чуть с ног её не сбила, и к лестнице понеслась. Было половина

пятого.

– И что это доказывает? – Люська села ближе к Димону.

– А то! Через секунду из класса Варвара Витальевна выбежала, историчка поинтересовалась, что произошло, но клас-суха молча хлопнула дверью., что все окей и закрыла дверь.

У Али задрожали плечи.

– Алька, кончай сырость разводить. Ты чего?

– Аль, прости нас с Люсей. Не сердись?

Вместо ответа Алевтина, не убирая ладони с лица, мотнула головой.

– Вы сами-то как к Варваре домой сходили? – спросил я.

– Всё путем, правда, Аль? Её муж, Пётр Алексеевич, до сих пор в себя прийти от случившегося не может, но с нами поговорил.

– А о чём говорили?

– Сначала о самочувствии Варвары Витальевны. Пока без изменений, она по-прежнему в коме, когда придёт в себя – неизвестно. Утешает одно, её состояние оценивается как стабильное. Пётр Алексеевич, разумеется, не в курсе, что могло произойти в школе. Подозреваемых нет, версий и предположений тоже. Единственное, что навело на мысли, так это очищенные морковь и лук. Варвара Витальевна вернулась домой и, судя по всему, сразу начала готовить обед. Но сварить суп она не успела, только почистила две морковки и луковицу.

– Ещё картошка в раковине лежала, – всхлипнула Алька.

– Точно, и картошка в раковине!

– Не врубаюсь, при чём здесь картошка с морковкой?

– В этом-то и прикол. Пётр Алексеевич вернулся с работы в шестом часу, обеда нет, чего прежде не случалось, зато есть мытые овощи и стоявшая на кухонном столе пустая кастрюля.

– Ну и что?

– Дим, ответь на вопрос, зачем человек, который собирался готовить обед, вернулся в школу?

– Вероятно, могла что-то забыть в классе.

– Ответ неверный. Потому как в этом случае, она успела бы залить очищенную картошку водой и очистки из мойки выбросила бы в мусорное ведро.

– А она этого не сделала?

– Представь себе. У нас с Алькой, как впрочем, и у Петра Алексеевича, возникло подозрение, что Варвара Витальевна очень торопилась уйти. Настолько торопилась, что не удосужилась залить картофель и выбросить очистки в мусорку.

– Я извиняюсь, – Димон выглядел растерянным. – А почему она вообще должна была заливать картошку водой?

– Потому что любая хозяйка знает, очищенный картофель быстро чернеет, и чтобы этого не случилось его необходимо залить водой. А у неё на это почему-то не хватило времени.

– Или было не до того, – Алька перестала всхлипывать, но всё ещё растирала воспалившиеся глаза. – Варвара Витальевна могла сильно нервничать.

– Она вернулась в школу не просто так, не сомневаюсь, её

туда вызвали.

– Кто?!

– Дед Пихто. Блин, Алис, тебе может, и имя преступника назвать с его домашним адресом и телефоном. Скажи спасибо, что мы это выяснили. Ясно одно, позвонил тот, кто впоследствии нанёс Варваре ранения. Пётр Алексеевич забил тревогу около шести вечера, на семь у них были куплены билеты в театр. Он начал звонить жене на сотовый, она трубку не снимала, пришлось в школу пойти. Денис поднялся в кабинет биологии и увидел то, что увидел.

– Но почему именно Алькина сумочка? – недоумевал я. – Не даёт мне этот факт покоя. Зачем было так рисковать, зачем понадобилось подбрасывать нож? Где здесь подвох, в чём он? Неужели думали, что Алька, обнаружив в сумке окровавленный нож, и узнав о смерти Варвары – убийца ведь полагал, что убил свою жертву – отправится к следователю и признается в убийстве. Так получается? Абсурд!

– Не абсурд, Глебыч. Скорее всего, убийца на это и рассчитывал. Вспомни, что сказала нам Алька: *«Ребят, Варвару Витальевну ранила я»*. Вот и ждали от неё этих признаний, только вместо слова «ранила» жаждали услышать «убила». Но помог случай, Варвара Витальевна осталась жива.

– Раздобыть ключи от квартиры, проникнуть туда, подбросить нож, уйти незамеченным – и это ради того, чтобы Алька призналась в убийстве учительницы? Я не верю.

– Главное, удалось узнать, Варвара Витальевна была в

полном порядке, когда Алька ушла из школы. Согласитесь, уже плюс.

– Альке плюс, Варваре минус, – прогудела Люська.

– Помолчи, – шикнул я.

На некоторое время в комнате повисла тишина, голос Димона прорезал её внезапно.

– А меня никто выслушать не хочет, или мой трёп с Денисом уже не актуален?

– Нормально пообщались?

– Более чем. Денис со скуки с ума сходит, он, оказывается, в школе временно работает, хочет в охранную фирму перейти.

– А в чём проблема?

– Пока не получается.

– И вынужден он целыми днями сидеть у входа, глазеть на нерадивых школьников, – прыснула Люська. – А по делу что—нибудь сказал?

– Ден видел, как в школу вернулась Варвара, видел, как она поднималась по лестнице. В начале седьмого пришел Петр Алексеевич, Денис и не знал, что Варвара из школы не уходила. Между нами, к обязанностям своим он относится прохладно, не его это место, сразу чувствуется.

– Они вместе поднялись на этаж?

– Петр Алексеевич внизу остался, Ден подошел к кабинету, толкнул дверь – открыто. В лаборантской на полу лежала Варвара Витальевна, он увидел кровь, сразу в коридор вы-

бежал полицию и «скорую» вызывать. Потом Петра Алексеича позвал. Оказывается, Денис до обморока боится крови, его внизу крепким кофе отпаивали. Он в себя часа два прийти не мог. Но меня зацепило вот что, по словам Дениса, в лаборантской – он обратил на это внимание – был полный порядок, разбросанных листов и следов борьбы охранник не заметил.

– Алька когда убежала, Варвара листы на место положила.

Чему удивляться?

– Да? А класс? Аль, ты ведь не начинала убираться в классе?

– Какой там, я сразу в лаборантскую ломанулась.

– Как стояли стулья помнишь? – Димон прищурил глаза.

– Обыкновенно стояли. Дим, я тебя не понимаю.

– Они стояли возле парт или на партах, как после уборки?

– Конечно, возле. Говорю же, не начинала я убираться.

Сначала хотела с контрольной разобраться, потом парты помыть, стулья на них поднять, а в конце уже доска и пол.

– К этому я и веду, – щёлкнул пальцем Димон. – Денис сказал, что половина стульев были подняты на парты. Врубаются, нет?

– Напекаешь...

– Именно на это и намекаю, – перебил Димон Алису. – Варвара Витальевна, после ухода Альки начала сама убираться в классе. Успела поднять половину стульев, а потом, очевидно, в классе появился он – несостоявшейся убийца.

– Логично. Правда, не совсем понятно, почему она принялась за уборку, если мы сошлись во мнении, что Варвару вызвали в школу, и она пребывала в нервном состоянии? Ей позвонили, она бросила готовку, понеслась в школу и начала убираться в классе? Как-то неправдоподобно.

– А если убийца назначил ей в классе встречу и задерживался, а она, чтобы убить время стала стулья на парты поднимать.

– Пётр Алексеевич уверял, что врагов у неё не было. Верится с трудом, учитывая сложный характер Варвары.

– Правильно! – прервал я Альку. – В этом направлении и надо копать. Это многое объясняет, во всяком случае, даёт ответ на вопрос о ноже в сумочке Алевтины.

– Ты о чём, Глебыч?

– Надо искать не врагов Варвары, а врагов Альки.

– Что?!

– Моих врагов? Глеб, у меня их нет.

– Ты уверена?

– У меня даже друзей не было, так, знакомые одни, а врагов... Да нет, откуда, я старалась ни с кем не конфликтовать. Вы что, сами не знаете?

– Знаем, Алька, знаем, но тем не менее. Тебя хотели подставить! И выгодна эта подстава в первую очередь не врагам Варвары Витальевны, а твоим недругам. Тем, кто жаждал сильно тебе насолить.

– Настолько сильно, что был готов превратить тебя в убий-

цу, – сказала Люська.

– Не знаю, – Алевтина явно не ожидала услышать ничего подобного. – Вы подумайте, это каких врагов надо иметь, чтобы они меня так возненавидели.

– Мощных!

– А что, Аль, враги не друзья, они быстро появляются.

И всё же Алька со мной не согласилась, не верила она, что есть человек или люди, которые желали ей зла. Не верила и точка. А зря, ох как зря.

Глава третья

Я знаю твою тайну...

Алька позвонила нам в начале второго, мы ещё не спали. Взволнованным голосом она попросила срочно прийти к ней, сказав, что сильно переживает. Пока мы с Люской бежали, я пытался сообразить, что могло произойти с Алей на этот раз, но воображение молчало, ни единой мысли, ни одного предположения.

Мы только вышли из лифта, а Алька уже распахнула дверь.

– Заходите, – скороговоркой проговорила она.

На этаже приоткрылась дверь напротив.

– Не спишь, Алюшка? – спросила упитанная старуха. – Колобродите всё, молодёжь.

– Здравсти, – кивнула Люська.

Я тоже поздоровался, Алька вступать в разговор с сосед-

кой не стала, дождавшись, когда я пройду в прихожую, она захлопнула дверь.

– Аль, что произошло?

– Мне звонили.

– Кто?

– Не знаю. Первый раз позвонили в восемь. Ничего не сказали, дышали в трубку. Потом в девять был звонок, в десять, в одиннадцать. В час позвонили, опять молчат, я сразу вам набрала. Неспроста эти звонки, я боюсь, оставайтесь у меня ночевать.

Заверив Альку, что в её компании ей не будет страшен даже чёрт с кочергой, Люська вытолкала меня на лестничную клетку.

– Глеб, дуй домой, я здесь переночую.

Я подошел к лифту, ощущая себя немного не в своей тарелке. Сначала позвонили, просили срочно прийти, теперь, не дав опомниться, за дверь выставляют. Паникерши!

Дверь напротив открылась снова, знакомая бабулька улыбнулась мне второй раз.

– Уже уходишь, сынок?

– Ухожу.

– Ну правильно, ночь-полночь на дворе, чего по гостям в такое время ходить.

Утром Люська пришла домой без пяти восемь, я как раз выходил из ванной, когда она позвала меня на кухню, положив на стол сложенный вчетверо тетрадный лист. Листок

был скручен, я понял, что недавно его сворачивали трубочкой.

– Запахло жареным, Глеб, – сказала Люська. – Прочти, тебе будет интересно.

Развернув листок, я пробежался глазами по тексту: «*Я знаю твою тайну*».

– Откуда это, о какой тайне речь?

– Он у Альки в почтовом ящике лежал, – Люська побегала к себе в комнату. – Мы в школу собирались, спустились вниз, Алька газету хотела вытащить, а там подарочек от неизвестного.

– Где Аля?

– Домой вернулась, в школу сегодня не пойдёт. Глеб, по большому счёту мне бы тоже не мешало дома остаться. С Алькой посидеть надо, она сейчас на взводе.

– Так сиди, чего домой притащилась?

– Не ори на меня, – крикнула из спальни Люська. – Притащилась, значит, надо. Не беспокойся, уже ухожу.

В школе я рассказал о звонках и оставленной в почтовом ящике записке Алисе и Димону. Мы сошлись во мнение, что кто-то начал свою игру против Алевтины. Цель и правила игры – пока, увы, неизвестны, но совершенно точно ясно, этот кто-то на полпути не остановится.

Из школы мы с Димоном пошли к Але, Алиса обещала зайти позже.

– Люсь, Аль, как вы тут? – Димон оставил рюкзак в при-

хожей и прошёл в ванную.

– Ни звонков, ни писем, – Люська гремела на кухне посудой. – Я обед сварила, где Алиска?

– С сестрой в поликлинику поскакала, а Алька спит, что ли?

– Да прям, за компом сидит, в «Одноклассниках».

– Уже не сижу, – Аля вышла в коридор, и я обратил внимание на румянец на её щеках.

Люськин борщ был вне конкуренции, все кроме Алевтины попросили добавки, Алисе здесь уже ловить было нечего – кастрюля опустела.

В пять вечера раздался звонок в дверь. Один, второй, третий... На площадке – никого, а к двери скотчем был прикреплён лист бумаги.

«Я всё про тебя знаю», – значилось в очередном послании. Алю начала колотить нервная дрожь, и едва Люське удалось её успокоить, в комнате ожил телефон. Трубку хотел снять Димон, но я вовремя его остановил.

– Не трогай. Аль, подойди.

И опять на том конце дышали и молчали. Алька с такой силой поставила трубку на базу, что последняя чуть не треснула.

– Слушай, как зовут твою соседку, ту бабку, которая постоянно высовывается из квартиры?

– Надежда... – Алька задумалась. – Михайловна, вроде. Короче, баба Надя.

– Глебыч, ты чего задумал?

– Пошли со мной, увидишь.

Мы с Димонем вышли на площадку, подошли к двери напротив и переглянулись. Я кивком указал на глазок, Димон мой намёк понял и чуть заметно кивнул.

– Сто пудов, она сейчас на нас смотрит.

Усмехнувшись, я позвонил, дверь открылась сразу, даже двух секунд не прошло. А баба Надя могла бы ради приличия и до пяти досчитать.

Вопрос, который меня интересовал, я задал сразу, без лишних предисловий. И ответ баба Надя дала мне молниеносно.

– Нет, сынок, никого не видела. Вас, – она быстро посмотрела на Димона, – заприметила, когда вы к Алюшке пришли, а потом замоталась-закрутилась, кино началось.

– А в последнее время вы случайно ничего странного не замечали?

– Точнее, странных типов, крутящихся на этаже или у квартиры Али, – дополнил мой вопрос Димон.

– Ну как же, того дёрганого я видела. Когда это было-то, – баба Надя нахмурила лоб, углубившись в воспоминания. – Недели полторы назад. В тот день, когда в школе учительницу порезали.

Я ощутил, как у меня взмокли шея и лоб. А Надежда Михайловна, обретя в нашем лице идеальных слушателей, продолжала выплёскивать информацию:

– Всё в тот день наперекосяк у меня пошло, молоко подгорело, кошка отравилась, телевизор сломался, несчастья в одну кучу свалились.

– Вы про дёрганого говорили.

– Он от Алюшки выходил, дверь входную ключами закрывал. Только я свою открыла, он как шарахнется в сторону, чуть с лестницы кубарем не полетел. А потом, перескакивая через три ступеньки, вниз понёсся.

– Кто это был?

– Откуда ж мне знать. В чёрном костюме спортивном, на голове эта... кепка с козырьком.

– Бейсболка?

– Бейсболка.

– А он молодой, старый?

– Я лицо не разглядела, но вроде молодой, старый бы так бежать не мог. Уж больно резвый.

– Вот тебе и ответ на один вопрос, – обратился я к Димону.

– Да. Алька спала, а он...

– Я сразу к окну подошла, – перебила нас Надежда Михайловна. – Парень из подъезда выскочил и к торцу дома побежал, а я в маленькую комнату поспешила, из неё окна на ту сторону выходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.